DOI: 10.17976/jpps/2022.06.12

НЕВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА КАВКАЗЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ США И РОССИИ

С.М. Маркедонов, Н.Я. Неклюдов, М.А. Сучков

МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований (ИМИ), МГИМО МИД России, Москва, email: smarkpost@gmail.com; **НЕКЛЮДОВ Никита Яковлевич**, эксперт Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: nehkludow96@gmail.com; **СУЧКОВ Максим Александрович,** кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, директор Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: max-suchkov@yandex.ru

Маркедонов С.М., Неклюдов Н.Я., Сучков М.А. 2022. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: сравнительный анализ подходов США и России. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 166-181. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.12

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327).

Статья поступила в редакцию: 18.06.2022. Принята к публикации: 01.09.2022

Аннотация. Проблемам российско-американской конкуренции в Евразии посвящено большое количество академических исследований. Львиная доля работ, однако, – обращенная к таким сюжетам, как вопросы стратегической стабильности, кризис европейской архитектуры безопасности на фоне расширения НАТО на Восток, а также антитеррористическая борьба – не касается сюжетов, сопоставляющих внешнеполитическое позиционирование государств в невоенном аспекте. В предлагаемой статье рассматривается именно такая малоисследованная проблематика – проекты помощи развития двух стран как способы продвижения национальных интересов в одном из самых конфликтных на территории бывшего Советского Союза регионов Кавказа. Показано, как две страны, имеющие во многом общие угрозы в связи с нестабильностью в одном из ключевых регионов Евразии, по-разному реализуют защиту от них. Структурно статья поделена на четыре блока. В первом авторы приводят концептуальные основы анализа, раскрывая тенденцию "геополитизации" кавказского региона и показывая, что имеется в виду под невоенным политическим взаимодействием. Далее предлагается обзорный анализ американского и российского подходов к выстраиванию политико-экономических проектов на Кавказе, выявляют их характеристики. В заключении авторы проводят сопоставительный анализ невоенных подходов России и США к региональной безопасности на Кавказе.

Ключевые слова: конфронтация, конфликты, миротворчество, помощь, безопасность, Кавказ, Россия, США.

С началом специальной военной операции на Украине США и Россия переживают наиболее значительную деградацию двусторонних отношений с момента завершения холодной войны. Тем своевременнее видится обращение к региону, в котором сходятся общие военно-политические интересы обеих стран, но который не находится "в эпицентре" ныне развивающихся событий – к Южному Кавказу. Положение дел на Южном Кавказе по-прежнему актуально потому, что ни один из этнополитических конфликтов, связанных с нациестроительством в новых постсоветских образованиях, полностью не разрешен. При этом

сохраняется возможность для вмешательства внешних игроков, наращивания их политического влияния и проецирования ими – в той или иной степени – своей военной мощи на этот регион. В статье авторы проанализируют ту часть потенциала такого вмешательства, которая не включает военную составляющую.

Вашингтон рассматривает политику Москвы на международной арене в целом и в Евразии в частности как опасный ревизионизм, несущий нестабильность, хаос и непредсказуемость[1]. В то же время российская сторона настаивает, что на протяжении последних трех десятилетий США фактически игнорировали призывы к выстраиванию равноправных двусторонних отношений, которые бы учитывали национальные интересы России[2].

Несмотря на аналитическое доминирование военного аспекта как основного при рассмотрении взаимодействий на Кавказе ключевых игроков, такой подход не исчерпывает всю многомерность межгосударственного взаимодействия в этом регионе. Напротив, аналитики зачастую намеренно упрощают картину стратегического поведения (вне)региональных держав, предпочитая рассматривать макротренды при так называемой геополитизации кавказского региона. В данной статье авторы отходят от привычной фабулы, сосредотачиваясь на *невоенных* формах кооперации, или "гуманитарном" аспекте отношений, ключевых (вне)региональных игроков Кавказа, России и Америки. Авторов интересует макротренды в выстраивании игроками политико-экономических связей с государствами и негосударственными образованиями региона, они предполагают найти ответ на следующий исследовательский вопрос: насколько стратегии России и США, одинаково вовлеченных в "геополитизацию" региона, отличны в невоенных аспектах?

Практическая актуальность исследования российско-американского взаимодействия на Кавказе диктуется двумя факторами. Во-первых, в США укоренилось представление о "пятидневной войне" на Южном Кавказе (2008 г.) как о своеобразной "прелюдии" к украинскому конфликту. Таким образом, именно Кавказ рассматривается американскими аналитиками как своеобразный полигон российского "ревизионизма" [Allison 2017; Toal 2017]. Во-вторых, хотя Москва и Вашингтон имели принципиальные расхождения по вопросам территориальной целостности Грузии, статусу Абхазии и Южной Осетии, а также разные подходы к формированию энергетической безопасности региона и целесообразности продвижения демократии, обе страны, как минимум до 2022 г., сохраняли определенное пространство для сотрудничества в деле урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта[3] [Ambrosio 2011: 93-114].

Структурно статья поделена на четыре блока. В первом задаются концептуальные основы анализа, раскрывается тенденция "геополитизации" кавказского региона и демонстрируется, что имеется в виду под невоенным политическим взаимодействием, именуемым во введении и ниже – "гуманитарным". В следующих двух блоках предлагается обзорный анализ, соответственно, американского и российского подходов к выстраиванию своих невоенных политико-экономических проектов на Кавказе, выявляются их особенности. В заключении проводится сопоставительный анализ невоенных подходов России и США на Кавказе.

[1] Сравнительный анализ "ревизионизмов" друг друга в официальных дискурсах Москвы и Вашингтона см.: [Неклюдов 2020]. По проблеме "российского ревизионизма" в зарубежных исследованиях см.: [Mead 2014; Sakwa 2015; Yost 2015; Allison 2020].

[2] См. прежде всего: [Frear, Mazepus 2021; Rezvani 2020].

[3] Cavanaugh C. Renewed Conflict Over Nagorno-Karabakh. *Council on Foreign Relations*, 02.2017. https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/ContingencyPlanningMemo30_Cavanaugh_0.pdf (accessed 04.09.2022).

Кавказ в системе оценок экспертов: тренд на военную "геополитизацию"

Если указанные выше политические факторы недвусмысленно свидетельствуют об исследовательской актуальности региона, то гипотеза о доминировании геополитического нарратива в большинстве исследований политических процессов на Южном Кавказе требует некоторых пояснений.

На первый взгляд, анализ проблем безопасности кавказского региона широко представлен в академической литературе. В силу многих факторов – политической нестабильности, наличия неразрешенных этнополитических конфликтов, де-факто государственных образований, террористических и сепаратистских вызовов, – эта часть Евразии неизменно привлекала исследовательский интерес. Однако региональная турбулентность во многом способствовала тому, что ключевой интеллектуальной парадигмой, в рамках которой рассматривался Кавказ, стал своеобразный "геополитический детерминизм". Основное содержание работ, посвященных этому региону, строилось во многом на анализе подходов различных игроков, борющихся друг с другом во имя военно-стратегических амбиций и обеспечения преференций в государствах Кавказа [Iskandarov, Gawliczek 2020: 25-33; Sadiyev, Nasirov, Iskandarov, Simons 2021: 282-294; Gresh 2006: 1-13; Pipinashvili 2011: 144-148; Buzogány 2019: 93-109; Troulis 2017: 14-24; Hunter 2017]. В таких исследованиях военная сила рассматривалась как правило в качестве единственного инструмента обеспечения интересов крупных держав, что естественным образом размывало субъектность самих государств Кавказа [Jafalian 2016; Yahyapour, GharehBeygi 2016: 289; Iskandarov, Gawliczek 2020: 25-33], а противостояния центральных властей и сецессионистских территорий [Маркедонов 2021: 79-89; Souleimanov, Abrahamyan, Aliyev 2018: 73-86] скорее оказывались элементом в структуре силовых отношений крупных держав [Markedonov, Suchkov 2020: 179-195].

Во внешнеполитических курсах Москвы и Вашингтона наблюдается асимметрия восприятия Кавказа. Если для России положение дел на Кавказе видится в категориях борьбы за повышение уровня безопасности внутри страны, в особенности в северокавказских республиках РФ [Sushentsov, Neklyudov 2020: 127-141], то для США Кавказ традиционно является частью более широких политических планов (включающих как отношений с Турцией, так и вопросы сдерживания Ирана или России в Евразии). Не последнюю роль в них играет и стремление Вашингтона не допустить объединения ресурсов евразийских держав ради снижения американского влияния в мире в целом и в отдельных регионах в частности [Stronski 2020; Rumer, Sokolsky, Stronski 2017]. США видят в действиях России проявление имперского "реваншизма" и "ресоветизации" региона [Allison 2008: 1145-1171]. В свою очередь, Россия видит в действиях США попытку "интернационализации" Кавказа без учета ее интересов, в особенности, когда речь идет об урегулировании этнополитических конфликтов вблизи ее границ [Sushentsov, Neklyudov 2020: 127-141].

На фоне преимущественно одномерной (с упором на военную составляющую) репрезентации региона авторы статьи фокусируются на невоенном измерении американского и российского внешнеполитических треков на Кавказе, рассматривая их проекты содействию в развитии государств и негосударственных образований региона. Используя для такого подхода термин "гуманитарный", авторы акцентируют политико-экономическое содействие в развитии государственных структур государства-реципиента. Наличие кавычек при выборе терминологического аппарата диктуется необходимостью отделить его от узкой трактовки, подразумевающей

преодоление последствий экологических, военных и прочих катастроф, а также отсутствием в официальных внешнеполитических дискурсах двух стран сопоставимых единиц измерения указанного внешнеполитического трека.

В российских документах стратегического планирования на данный момент "гуманитарная политика" как отдельный трек не выделяется. В Концепции внешней политики от 2016 г. "гуманитарная политика" соотносится с мягкой силой[4] и представлена как один из методов (наряду с информационным) дипломатии, приобретающий все большее значение. В других документах более раннего времени[5] закреплено лишь такое понятие, как "международное культурно-гуманитарное сотрудничество", включающее "связи в области культуры и искусства, науки и образования, средств массовой информации, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма". Напротив, соответствующие документы США, например, ежегодные отчеты Агентства США по международному развитию[6], под "гуманитарной политикой" полагают, прежде всего, программы развития: государственного, экономического. Узкое и наиболее точное употребление понятия "гуманитарный" – не самый ключевой внешнеполитический трек Агентства. Например, автоматический текстовый анализ ежегодных отчетов о деятельности Агентства с 1995 по 2021 гг. показывает, что в числе 59 наиболее популярных тем докладов (включая такие, как безопасность, обеспечение инфраструктурой политических выборов, здравоохранение, развитие в широком смысле) гуманитарная политика как "облегчение страданий населения" от разного рода катастроф не представлена вовсе.

В отсутствие сопоставимых величин измерения такой внешнеполитической активности и Россия, и США, тем не менее, имеют собственные проекты содействия развитию на Южном Кавказе, направленные на максимизацию своего влияния. Более того, регион как площадка военно-политической активности двух стран показателен: в исследовательской литературе отмечается богатый опыт США в использовании программ содействия развитию как внешнеполитического инструмента; Россия, лишь сравнительно недавно интегрировавшая данную форму международного сотрудничества в свой внешнеполитический инструментарий, сделала это именно на Кавказе. Масштабная финансовая помощь России Абхазии и Южной Осетии является, по сути, первым примером системной интеграции ее помощи развитию в каком-либо регионе.

РОССИЯ, США И НЕВОЕННЫЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМНЫЙ КОНТЕКСТ

Ухудшение гуманитарной ситуации в том или ином государстве стало предлогом для вмешательства, по сути, лишь после окончания холодной войны [Finnemore 1996: 153-185]. США и их союзники апеллировали к гуманитарным принципам во время бомбардировок Косова (1999 г.) [Chandler 2010] и Ливии (2011 г.) [Hehir, Murray 2013]. Изучая военный аспект вмешательства по гуманитарным соображениям, исследователи зачастую исследуют именно феномен гуманитарных интервенций [Stauton, Jason 2020].

[4] Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (accessed 04.09.2022).

[5] "Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества" (Утверждены Президентом Российской Федерации 18.12.2010). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289 (accessed 04.09.2022).

[6] Annual Performance Report. *USAID*. https://www.usaid.gov/results-and-data/progress-data/annual-performance-report (accessed 04.09.2022).

В свою очередь, изучение случаев невоенного вмешательства строятся преимущественно на рассмотрении программ помощи, хотя среди исследователей нет единого мнения о критериях оценки подобных программ. Либеральная точка зрения заключается в том, что при принятии решения об оказании помощи развитию США руководствуются как потребностями реципиентов, так и "ценностями и моральным расположением американского народа" [Kevlihan, DeRouen, Biglaiser 2014]. Реалисты полагают, что утверждение программы помощи в конечном итоге определяется соответствием национальным интересам государства-донора [Lepard 2002; Terry 2002; Drury, Olson, Van Belle 2005; Flynn 2020]. Внимание обращается также на двойственный характер программ помощи: в одних обстоятельствах – делается расчет на политические уступки со стороны реципиента в обмен на помощь, в других – налицо стремление показать себя с лучшей стороны перед собственным населением при отсутствии непосредственных выгод от данных программ [Heinrich 2013]. Отмечаются и негативные последствия программ помощи: участники боевых действий могут намеренно провоцировать жертвы среди мирного населения, а затем использовать помощь для укрепления своего потенциала и продолжения боев [Wood, Sullivan 2015].

Именно США сформировали ключевые принципы использования во внешней политике крупных проектов, нацеленных на оказание помощи экономическому, военному, политическому, инфраструктурному развитию стран. Американские программы помощи становятся объектом анализа теоретиков и примером для подражания практиков. На долю этой страны выпадает наибольшее число гуманитарных организаций, работающих в мире [Egger, Schopper 2022]. Среди реципиентов гуманитарной помощи со стороны США наиболее часто выделяют КНДР, что объясняется самим фактом оказания США помощи "населению страны, с которой технически все еще ведут войну" [Flake, Snyder 2003; Kevlihan, DeRouen, Biglaiser 2014]. Основным направлением оказания помощи КНДР со стороны США (а также других западных стран и международных организаций) было преодоление голода 1990-х годов [Smith 2005], а позже – демократизация [Kim et al. 2020]. При этом США активно используют такую помощь для защиты собственных интересов, в связи с чем им не раз приходилось вступать в конфронтацию с КНР, также оказывающей помощь КНДР [Kim 2012]. Другой пример вовлечения США в программы помощи – Иракский Курдистан в 1991-1995 гг., куда поставлялось продовольствие и где реализовывались долгосрочные проекты развития [Leezenberg 2000].

Таким образом, США уже несколько десятилетий оказывают невоенную помощь в самых разных форматах – от направления врачей и средств оказания помощи до финансовой поддержки борьбы с голодом и программ по продвижению демократии. На этом фоне большинство исследователей признает, что гуманитарная помощь Соединенных Штатов основана преимущественно на следовании национальным интересам. Идеологический и ценностный факторы если и имеют место, то не являются доминирующими.

Вместе с тем, Россия сравнительно редко становится самостоятельным объектом изучения в качестве инициатора программ помощи. Она предпринимает попытки гуманитарного сотрудничества (в том числе как инструмент внешней политики), но сталкивается с такими проблемами, как нехватка средств, отсутствие достаточного опыта и искаженное понимание гуманитарного сотрудничества исключительно как отношений в сфере культуры. Исследователи делают акцент на включенности России в международное взаимодействие [Brezhneva,

Ukhova 2013] и использовании ею гуманитарных программ в качестве продвижения собственного нарратива на международной арене [Velikaya 2018], рассматривая оказание Россией гуманитарной помощи другим странам в качестве фактора снижения конфликтности [Степанова 2007]. Особое внимание уделяется участию России в международных проектах помощи развитию (прежде всего – на постсоветском пространстве) [Ткаченко 2018; Зайцев, Кнобель 2019], при этом отмечается и момент недооценки российским руководством подлинного значения и перспектив гуманитарного сотрудничества [Примаков 2018: 182-196].

В дальнейшем на примере Кавказа авторы, не выходя за пределы прикладного анализа, попытаются ответить на вопрос, насколько системен и последователен "гуманитарный" трек внешнеполитической активности США и России на Кавказе, а также – каковы ключевые отличия двух подходов.

Невоенные программы помощи США на Кавказе

Свое современное оформление концепция США по содействию развитию и гуманитарной помощи получила после событий 11 сентября 2001 г. Террористические акты пошатнули основополагающие принципы национальной безопасности Америки, что заставило Вашингтон пересмотреть ряд традиционно значимых направлений во внешней политике. В стратегических документах США – Стратегии национальной безопасности от 2002 г.[7] и Национальной стратегии по борьбе с терроризмом от 2003 г.[8] – гуманитарная помощь и содействие развитию, наряду с более традиционными военными методами, обозначалась как основа борьбы с "угрозой разрастания террористической опасности". Дальнейшее сопряжение вопросов безопасности и развития выразилось в концепция "трех D" – *diplomacy, defense, development* [Бартенев 2011: 41]. Возведение содействия развитию в ранг внешнеполитической стратегии по обеспечению интересов США прослеживается и в последующих редакциях американских стратегических документов. Даже Президент США Д. Трамп, которого Демократическая партия критиковала за "подрыв американского лидерства" в мире, не стал отказываться от политики помощи развитию. В редакции Стратегии национальной безопасности от 2017 г. гуманитарная помощь значится в пятерке приоритетных действий (*priority actions*) по направлению "продвижение американских ценностей" в рамках стратегии распространения американского влияния. Именно гуманитарной помощью должны, по мнению республиканской администрации, руководствоваться США в своей внешней политике.

На Кавказе, в том числе и на Северном, помощь развитию стала важным измерением американской политики с начала 1990-х годов: статья расходов Госдепартамента "На гуманитарную помощь Северному Кавказу, Тимору" предполагала выделение в 1999 г. 10 млн долл. Чечне. Эта сумма распределялась через Комитет красного креста (МККК), Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев (*UNHCR*) и другие гуманитарные организации "для реагирования на неожиданные насущные потребности, связанные с ситуацией в российском Северо-Кавказском регионе"[9]. Вместе с тем, на Южном

[7] National Security Strategy 2002. *National Security Strategy Archive*, 17.09.2002. http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002 (accessed 04.09.2022).

[8] National Strategy for Combating Terrorism. *U.S. Department of State*, 09.2006. https://2001-2009.state.gov/s/ct/rls/wh/71803.htm (accessed 04.09.2022).

[9] U.S. Humanitarian Aid for North Caucasus, Timor. *OCHA*, 15.11.1999. https://reliefweb.int/report/russian-federation/us-humanitarian-aid-north-caucasus-timor (accessed 07.07.2022).

Кавказе США могли позволить себе более разносторонний инструментарий. Флагманом здесь традиционно выступало Агентство США по международному развитию (*USAID*), располагавшее существенными материальными средствами. В частности, в период президентства Б. Клинтона по линии двадцати программ этого Агентства распределение правительством США помощи Армении, Грузии и Азербайджану выглядело следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Суммарные расходы по основным программам помощи Новым независимым государствам с 1992-1999 гг. (в млн долл. США)
Total expenditures on the main programs of assistance to the Newly Independent States from 1992-1999 (in US$ million)

Статьи расходов *(данные округлены до 10 тыс. долл.)**	**Армения**	**Азербайджан**	**Грузия**
Агентство США по международному развитию (USAID) – Бюро по делам Европы и НГГ			
Специальные инициативы для НГГ (гуманитарные и пр.)	222,37	53,90	81,54
Энергоэффективность и реформы рынка	55,37	0,08	16,71
Технологии и политика в области охраны окружающей среды	0,53	-	0,64
Улучшение здравоохранения	6,83	0,47	3,73
Развитие частного сектора	29,47	-	22,94
Реструктуризация пищевых цепей	1,07	0,41	3,68
Демократические реформы	16,09	2,30	9,13
Реформирование жилищного сектора	9,44	-	-
Реструктуризация экономики и реформа финансового сектора	22,93	-	6,60
Фонд Евразия	10,48	0,60	3,69
Фонды предприятий	2,54	2,47	2,47
Обмены и подготовка	10,22	2,03	3,27
Другие программы Агентства США по международному развитию			
Гуманитарная помощь Армении (155-0001)	10,78	-	-
Президентская медицинская инициатива (156-0001)	5,00	-	-
“От фермера к фермеру” и Отдел помощи жертвам бедствий, произошедших за рубежом	1,29	-	0,32
Перевод средств через другие программы Агентства	2,14	-	0,35
Общая сумма программ Агентства США по международному развитию	**406,54**	**62,24**	**155,06**

* Cumulative Funds Budgeted (FY 1992 to date) for Major NIS Assistance Programs by Country as of 9/30/99. U.S. Department of State, 30.09.1999. https://1997-2001.state.gov/regions/nis/99nisrpt2.pdf (accessed 04.09.2022).

Официальные отчеты того времени по совокупности прямо указывают на то, что в политике США *USAID* выполняло три основных функции: (1) формировало так называемую “гражданскую мощь” США; (2) выступало в качестве рычага влияния на вооруженные конфликты и управления кризисными ситуациями; (3) служило катализатором ускорения экономического роста и открытия рынков для американских товаров[10].

[10] Цит. по: *Информационный бюллетень о Четырехлетнем обзоре дипломатии и развития*, 16.12.2010. http://www.america.gov/st/globalrussian/2010/December/20101216124638x0.6494517.html (accessed 07.07.2022).

Фундаментом для финансирования правительственных программ США стал подписанный в 1992 г. президентом Дж. Бушем-ст. “Акт в поддержку свободы” (*Freedom Support Act*), через фонд которого закавказским республикам поступала львиная доля государственных средств. Закон содержал не только широко известный образовательно-степендиарный компонент, но и военный компонент: в частности, положение о расширении “...в интересах национальной безопасности Соединенных Штатов... военные контакты между США и Новыми независимыми государствами (НГГ)”[11]. Многочисленные НПО и НКО, активно поддерживаемые американскими правительственными структурами, обычно заявляли о содействии развитию “институтов гражданского общества и демократических преобразований”, что традиционно выступало значимой составляющей вовлечения США в различные процессы на постсоветском пространстве, в частности, на Кавказе.

Работа по линии НПО призвана была выполнять одну из первостепенных задач американской внешней политики – реализацию “многостороннего вовлечения”, которая, помимо прочего, подразумевала “диверсификацию контактов” в разных странах. Несмотря на периодический пересмотр приоритетов, деятельность по нескольким направлениям позволяла США планомерно достигать нужных задач минимум в три этапа:

– устанавливая контакт с несколькими потенциально ключевыми игроками одновременно, даже если они находились в конфронтации друг с другом;

– обеспечивая посредством финансовой помощи и экспертного ресурса собственное присутствие в том или ином проекте (в проведении выборов, создании политической партии или выдвижении политического лидера);

– усиливая свою вовлеченность на проект до уровня, когда можно оказывать серьезное влияние на проводимые в его рамках решения и действия.

Американская политика на данном направлении не ограничивается отношениями с тремя республиками: до 2008 г. в эти процессы активно пытались вовлечь Абхазию через организацию встреч между политическими и гражданскими лидерами Грузии и Абхазии [Philips 2008: 22]. Для вовлечения НКР в похожие проекты США иногда идут на нестандартные меры, например, привлекая Турцию и, несмотря на официальное непризнание Нагорного Карабаха, оказывая НКР экономическую помощь[12]. Они демонстрируют также большой интерес к делам Карабаха посредством периодических контактов американских сенаторов и дипломатов с властями республики. Вместе с тем, *USAID* выделило многомиллионный грант на проект “Программа ‘второго трека’ для Турции и Кавказа”, который предусматривал взаимодействие по ряду направлений между турецкими, азербайджанскими и армянскими НПО [ibidem].

Таким образом, задействование НПО как механизма участия в “гражданских инициативах” по вопросам, связанным с безопасностью, создает для США дополнительные рычаги влияния на конфликтные процессы. Аналогичную линию США пытаются проводить в Сирии, настаивания на участии западных НПО в гуманитарных операциях на подконтрольных Б. Асаду территориях, вытесняя правительственные институции посредством санкционного давления[13].

---

[11] Freedom Support Act, Public Law 102-511. Title V-Nonproliferation and disarmament activities, Sec. 501. Findings, (3), 24.10.1992. https://nuke.fas.org/control/ctr/docs/s2532.html (accessed 04.09.2022).

[12] Nagorno-Karabakh Region. *USAID*. https://www.usaid.gov/humanitarian-assistance/Nagorno-Karabakh (accessed 04.09.2022).

[13] *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020*: Title LXXIV. Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019. Gov.Track. https://www.govtrack.us/congress/bills/116/s1790/text (accessed 04.09.2022).

Примечательно и то, что, хотя большинство программ сотрудничества с Тбилиси и Баку относится к военной сфере, в отношении Еревана еще с 1990-х годов акцент был сделан на подход с позиций мягкой силы. Армения стала первой республикой Южного Кавказа, где в 1992 г. начал работу "Корпус мира" (*The Peace Corps*)[14]. Современное распределение иностранной помощи США для республик Южного Кавказа концептуально мало чем отличается от того подхода, который наблюдался в 1990-е и 2000-е годы. Приоритетными США по-прежнему видят пять направлений: продвижение демократии, защиту прав человека и совершенствование практик управления; содействие экономическому росту; безопасность; гуманитарное содействие; образование и социальный сектор. Для Армении и Грузии больше всего помощи США выделяют в первом направлении, меньше всего – по двум последним.

Для Грузии главная статья финансовой помощи – безопасность (почти 53 млн долл.), в то время как на гуманитарное содействие – 0,13 млн долл. Как и раньше, именно Грузия выступает первоочередным реципиентом финансовой помощи от США: в 2020 г.[15] от американских налогоплательщиков эта страна получила свыше 157 млн долл.[16] Однако, в отличие от 1990-х годов, в распределении финансовой помощи между Арменией и Азербайджаном наметился крен: в 2020 г. Армения получила 46,8 млн долл.,[17] а Азербайджан – 22,3 млн долл.[18]

С началом пандемии коронавируса США усилили свою работу по программам помощи на Южном Кавказе по линии передачи этим странам вакцин. Азербайджан по этому направлению получил дополнительные 6,6 млн долл., Армения – 13,9 млн долл., а Грузия – 27,2 млн долл. Признание администрацией Дж. Байдена геноцида армян стало значимой вехой не только в двусторонних отношениях с Ереваном, но также способствовало пересмотру акцентов в гуманитарной политике США в регионе. Решение Вашингтона опрокинуло турецкий нарратив о событиях 1915 г., нанесло репутационный урон Турции в тот момент, когда страна активно набирала очки политического влияния в регионе. Наконец, начало боевых действий на Украине было использовано Соединенными Штатами как возможность усилить распространение программ помощи на Южном Кавказе, в частности, через переформатирование

[14] С тех пор по сей день в Армении работало около 500 американских волонтеров. Функционирующие в Грузии с 2000-2008 гг. проекты "Корпуса мира" привлекли к своей работе 300 американских волонтеров, см.: The Peace Corps welcomes you to Georgia. *Readkong*, 12.2014. https://www.readkong.com/page/the-peace-corps-welcomes-you-to-georgia-2476230 (accessed 07.07.2022). В Азербайджане свою работу организация начала в 2003 г. с участием около 150 человек, см.: The Peace Corps welcomes you to Azerbaijan. *Peace Corps publication for new volunteers.* http://surl.li/cyrrx (accessed 07.07.2022).

[15] В документации Агентства США по международному развитию полная отчетность доступна за 2020 г.; 2021 и 2022 гг. – представлены частично.

[16] Georgia. *United States Department of State. Office of the Coordinator of U.S. Assistance to Europe, Eurasia, and Central Asia (ACE). Foreign Assistance Fact Sheet*, 06.2021. https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/08/Georgia_FY-2020-Country-Assistance-Fact-Sheet_8-26-2021_Accessible.pdf (accessed 04.09.2022). См. также: USAID Country Profile. *USAID*. https://2017-2020.usaid.gov/humanitarian-assistance (accessed 04.09.2022).

[17] Armenia. *United States Department of State. Office of the Coordinator of U.S. Assistance to Europe, Eurasia, and Central Asia (ACE). Foreign Assistance Fact Sheet*, 06.2021. https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/08/Armenia_FY-2020-Country-Assistance-Fact-Sheet.pdf (accessed 04.09.2022). См. также: USAID Country Profile. *USAID*. https://2017-2020.usaid.gov/humanitarian-assistance/ (accessed 04.09.2022).

[18] Azerbaijan. *United States Department of State. Office of the Coordinator of U.S. Assistance to Europe, Eurasia, and Central Asia (ACE). Foreign Assistance Fact Sheet*, 06.2021. https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/08/Azerbaijan_FY-2020-Country-Assistance-Fact-Sheet.pdf (accessed 04.09.2022). См. также: USAID Country Profile. *USAID*. https://2017-2020.usaid.gov/humanitarian-assistance (accessed 04.09.2022).

Еревана и Тбилиси в своеобразные "визовые хабы" для многих россиян, у которых больше нет иных возможностей выехать в США.

ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ПОДХОДА

Россия входит в категорию "новых" (или нетрадиционных) доноров помощи, однако имеет достаточно длительную историю оказания помощи развитию. В советское время – это была внушительная экономическая помощь "братским народам" по линии Коминтерна, а позже и на двусторонней основе. Однако в полной мере перенять и сохранить политические дивиденды, полученные СССР в этой сфере, постсоветская Россия не смогла, а дефицит ресурсов понуждал Москву переориентироваться на внутренние потребности населения и отойти от советской практики. Более того, ряд кризисов и периодов рецессии, с которыми столкнулась страна в постсоветской реальности, на какое-то время сделал саму Россию реципиентом помощи. Фактически участие РФ в гуманитарной деятельности свелось к постепенному списанию долговых обязательств Советского Союза и выплатам членских взносов в международные организации [Примаков 2018: 202]. Вернуться в ряды кредиторов мировой экономики Россия смогла лишь в 2004 г. Впервые став председателем в "Группе восьми", Россия взяла на себя обязательства в сфере содействия международному развитию (СМР) [там же: 203]. Таким образом, СМР стало рассматриваться российским руководством как один из способов возвращения в "высшую лигу" мировой политики и повышения своего участия в разрешении наиболее актуальных вопросов международной повестки.

Формирование "донорской идентичности" России совпало по времени с процессом "разморозки" конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. После того, как в 2004 г. к власти в Грузии пришел Михаил Саакашвили, в Тбилиси была сделана ставка на борьбу с "агрессивным сепаратизмом" с целью восстановления территориальной целостности. Это вылилось, во-первых, в ревизию Дагомысских (1992 г.) и Московских (1994 г.) соглашений о прекращении огня в двух бывших автономиях Грузинской ССР, а во-вторых, в действия по "интернационализации" мирного урегулирования, предполагавших, среди прочего, лишение России роли эксклюзивного медиатора в диалоге между Тбилиси, Сухумом/Сухуми и Цхинвалом/Цхинвали.

До этого Москва придерживалась принципа признания территориальной целостности Грузии в границах Грузинской ССР, отказывая абхазским и югоосетинским лидерам в удовлетворении их требований о признании или объединении с РФ. В 2006 г. Москва (в качестве одного из сопредседателей Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта и как государство в целом) полностью поддержала инициативу бельгийского председательства в ОБСЕ по проведению международной донорской конференции по Южной Осетии[19]. Если же говорить об Абхазии, то неофициально с начала чеченской кампании в декабре 1994 г., а официально – с 1996 г. Россия и Грузия фактически совместно инициировали введение режима санкций против Абхазии, узаконенных решением Совета глав государств СНГ от 19 января 1996 г. "О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузии"

[19] О проведении донорской конференции по Южной Осетии. *Министерство иностранных дел Российский Федерации*, 15.06.2006. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1590962/ (accessed 04.09.2022).

[Antonenko 2005: 208-217]. При этом Россия поддерживала коллективные проекты по восстановлению разрушенных экономик бывших автономий.

Наступательные действия Тбилиси, которые привели к серии вооруженных инцидентов в 2004-2008 гг. в Южной Осетии и практически к полной заморозке содержательных переговоров по абхазскому урегулированию в 2006 г. заставили российские власти пересмотреть свои прежние подходы. Однако до того, как изменить свое отношение к статусу Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии, Москва предприняла шаги по налаживанию каналов оказания помощи развитию. В марте 2008 г. Россия вышла из режима ограничений, установленных в 1996 г. Советом глав государств СНГ для Абхазии, а затем 18 апреля 2008 г. Президент В. Путин поручил правительству "разработать меры по оказанию предметной помощи населению Абхазии и Южной Осетии"[20]. Вскоре после этого, в июле 2008 г. военные железнодорожники России завершили ремонт участка Сухуми – Очамчира, разрушенного в ходе грузино-абхазского вооруженного конфликта начала 1990-х годов, что дало возможность улучшить транспортную инфраструктуру на востоке республики, наиболее пострадавшем в ходе боевых действий[21].

Таким образом, инициативы Москвы по предоставлению помощи предшествовали ее решительным действиям по пересмотру статус-кво, сложившегося в регионе по итогам распада СССР и первой волны постсоветских этнополитических конфликтов. С августа 2008 г. с началом "пятидневной войны" Москва в своей риторике задействовала приемы, апробированные США в ходе натовской операции в Югославии девятью годами ранее [Nikitin 2020: 163-178; Неклюдов 2020: 35-60]. Прямое участие российских военных на стороне "сепаратистов" квалифицировалось как "понуждение Грузии к миру" и преподносилось, как защита абхазов и осетин от "геноцида"[22].

С признанием независимости Абхазии и Южной Осетии финансирование восстановления их экономик и социального развития стало одним из приоритетов российской политики в Кавказском регионе. Первый план помощи Южной Осетии был принят уже в августе 2008 г., когда российское правительство выделило 500 млн руб. на гуманитарные нужды и констатировало, что направит дополнительно 10 млрд руб. на восстановление республиканской инфраструктуры. Финансовая поддержка Абхазии с 2010 г. осуществляется через комплексный план содействия социально-экономическому развитию республики. На начало 2020 г. расходы федерального бюджета на Южную Осетию составили 76,7 млрд рублей, а на Абхазию – 51,7 млрд рублей. Но расходы федерального бюджета не тождественны всему объему помощи, который выделяется частично признанным республикам. Южной Осетии, например, отдельно помогали "Газпром" и правительство Москвы. Реальный объем ее финансирования на 28% превышает поступления из федерального бюджета[23].

Поддержка Москвой Абхазии и Южной Осетии внесла существенный вклад в формирование нового статус-кво на Кавказе. Она способствовала укреплению асимметричного союзничества между Российской Федерацией,

[20] Владимир Путин поручил помочь Абхазии и Южной Осетии. *Коммерсантъ*, 16.04.2008. https://www.kommersant.ru/doc/1005530 (accessed 04.09.2022).

[21] Военные железнодорожники РФ восстановили железную дорогу в Абхазии. *РИА Новости*, 24.07.2008. https://ria.ru/20080724/114839891.html (accessed 04.09.2022).

[22] Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева. *Президент России*, 26.08.2008. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1222 (accessed 04.09.2022).

[23] Миллиарды для непризнанных республик. *Новые Известия*, 25.01.2020. https://newizv.ru/article/tilda/25-01-2020/pitomtsy-surkova-kto-i-chem-pomogaet-nepriznannym-respublikam (accessed 04.09.2022).

с одной стороны, Сухумом и Цхинвалом, с другой. В значительной степени гуманитарная помощь наряду с гарантиями безопасности и непересмотра "новой реальности" Грузией поддерживают пророссийский выбор элит и большинства населения частично признанных образований.

В отличие от Абхазии и Южной Осетии, Россия никогда не признавала независимость Нагорно-Карабахской самопровозглашенной республики. Более того, НКР даже не рассматривалась как сторона конфликта. В Концепции российской внешней политики конфликт между Баку и Ереваном обозначается как противостояние между двумя суверенными государствами, Азербайджаном и Арменией[24]. Между тем именно Москва сыграла ключевую роль в прекращении огня в ходе "второй карабахской войны" в ноябре 2020 г. и именно российские миротворцы начали тогда же свою миссию, нацеленную на урегулирование конфликта. Известный французский военный эксперт Эммануэль Дрейфус рассматривает ее не только в контексте геополитического и военного усиления России на Южном Кавказе, но и как пример (наряду с операцией РФ в Сирии) "народноцетричной" миротворческой миссии. По его словам, "помимо чисто военного компонента российская операция в Нагорно-Карабахском регионе также имеет значительное гражданское измерение, примером чего является Межведомственный центр гуманитарного реагирования" [Dreyfus 2022]. Созданный Указом Президента в ноябре 2020 г. и расположенный в Степанакерте, он находится в ведении Министерства обороны и состоит из пяти отделов: гуманитарного разминирования, примирения конфликтующих сторон, транспортной и медицинской помощи, поддержки торговли и поддержки домашнего хозяйства. Благодаря российским миротворцам паломники-прихожане Армянской апостольской церкви имеют возможность посещать монастырский комплекс Дадиванк, расположенный на территории Кельбаджарского района (согласно трехстороннему заявлению от 10 ноября 2020 г. он перешел под военно-политический контроль Азербайджана).

Россия, несмотря на жесткую критику западных подходов к невоенным аспектам обеспечения внешнеполитических интересов, во многом ориентируется на ролевую модель, демонстрируемую США и их союзниками. При этом Москва не принимает практику Соединенных Штатов и других стран (особенно Великобритании, Франции) по "увязке" содействия развитию с уровнем демократии в стране-реципиенте. Позиция России базируется на том, что "механистическое перенесение в традиционные, доиндустриальные страны атрибутов современного государства, являющегося историческим продуктом длительного социокультурного развития стран Запада, приводит к серьезным социальным осложнениям" [Дегтерев 2013: 74]. Также как и вопрос увязки помощи с "демократическим развитием", Москвой практически не используется инструмент НКО как проводников помощи развитию. Тем не менее, Россия видит в помощи важный инструмент по продвижению своих интересов и поддержанию своего присутствия, как в военно-политической сфере, так и в социально-культурной.

Несмотря на стремление Москвы к более четкой разработке механизма реализации государственной политики в гуманитарной сфере, ее очертания остаются достаточно размытыми: отсутствуют четкие директивы по организации структурированного планирования. Одной из особенностей России как донора программ помощи – и ее большой проблемой – является отсутствие единого органа, ответственного за оказание помощи. Минфин выполняет

[24] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). *Министерство иностранных дел Российский Федерации*, 01.12.2016. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901 (accessed 04.09.2022).

операционную роль, но у финансистов нет влияния на принятие ключевых "геополитических решений". Сами же принципиальные решения о выделении тех или иных объемов средств диктуются, в первую очередь, соображениями безопасности и конфликтного урегулирования. В отличие от США, не проработаны и вопросы информационного сопровождения. Показательно, что в фокусе внимания журналистов, пишущих о финансировании Абхазии и Южной Осетии, по большей части оказываются коррупционные скандалы, а не успехи в восстановлении бывших грузинских автономий (например, развитие рекреационной отрасли). Это же во многом касается и Нагорного Карабаха – особенно на фоне активизации усилий Европейского союза по достижению окончательного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Об успехах России в проведении миротворческой операции и, прежде всего, в ее гуманитарной составляющей за пределами РФ практически не говорят[25], но и сама Москва не слишком активна в продвижении своего позитивного имиджа. Абсолютные объемы помощи, оказываемой Россией Абхазии и Южной Осетии, также не велики по мировым стандартам.

Заключение

В статье рассмотрены ключевые характеристики стратегий невоенного вмешательства Москвы и Вашингтона в политические процессы на Кавказе: если для США программы помощи составляют одно из ключевых направлений внешнеполитической активности, то для России этот трек остается специфическим для этого региона проявлением ее внешней политики.

Исторически имея доктринальные основания такой политики и опираясь на механизмы отдельного института (*USAID*), США задействуют невоенное вмешательство в самых разных форматах: от направления врачей и средств оказания помощи до финансовой поддержки борьбы с голодом и программ по продвижению демократии. География данных программ чрезвычайно широка и охватывает различные регионы мира, причем часто те, где США ставят целью нарастить свое влияние или повлиять на изменение внешнеполитического курса государств. Во многом поэтому большинство исследователей признают, что "гуманитарная" помощь США основана преимущественно на следовании внешнеполитическим интересам.

В частности, на Кавказе США, наряду с финансовой помощью для отдельных органов государственной власти или целого государственного сектора (здравоохранение, образование, государственное управление), нацелены на "многостороннее вовлечение" политических сил, зачастую настроенных друг против друга, и обеспечение их необходимой политической инфраструктурой: политтехнологическим и экспертным сопровождением на выборах, продвижением политических партий. В сравнении с "гуманитарной" помощью Вашингтона Москва, как показывает опыт присутствия на Кавказе, использует программы помощи в регионе *ad hoc*, а также не относит ее к полноценному домену внешней политики. Первоначально отказывая "мятежным республикам" в поддержке, после 2004 г., когда Тбилиси избрало путь ревизионистского пересмотра статус-кво в регионе, Россия стала расширять помощь Абхазии и Южной Осетии. Географическое соседство, использование военной силы (2008 г.), а также последующее признание республик привело к тому, что Россия, по сути, взяла республики на полное финансовое обеспечение: это лишает Москву способности

[25] Statement by the spokesperson of Charles Michel, President of the European Council, regarding Armenia and Azerbaijan – 31 May 2022. *European Council. Council of the European Union*. https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/05/31/statement-by-the-spokesperson-of-charles-michel-president-of-the-european-council-regarding-armenia-and-azerbaijan-31-may-2022 (accessed 07.07.2022).

к детальному, технократическому планированию своей стратегии невоенного вмешательства в политические процессы региона. Фактически помощь России Абхазии и Южной Осетии становится делом внутренней политики, а это, в свою очередь, не способствует как актуализации задачи доктринального оформления гуманитарного трека, так и выделению для ее реализации отдельной институции.

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.12

NON-MILITARY ASPECTS OF POLITICAL INTERACTION IN THE CAUCASUS: COMPARATIVE ANALYSIS OF US AND RUSSIA APPROACHES

S.M. Markedonov[1], N.Y. Neklyudov[1], M.A. Suchkov[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

MARKEDONOV, Sergey Miroslavovich, Cand. Sci. (Hist. Sci.), Leading Researcher, MGIMO Institute of International Studies (IIS), MGIMO University, email: smarkpost@gmail.com; **NEKLYUDOV, Nikita Yakovlevich,** expert, MGIMO Institute of International Studies, MGIMO University, email: nehkludow96@gmail.com; **SUCHKOV, Maxim Alexandrovich**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis, Director, MGIMO Institute of International Studies, MGIMO University, email: max-suchkov@yandex.ru

Markedonov, S.M., Neklyudov, N.Y., & Suchkov, M.A. (2022). Non-military aspects of political interaction in the Caucasus: comparative analysis of US and Russia approaches. *Polis. Political Studies*, 6, 166-181. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.12

Received: 18.06.2022. Accepted: 01.09.2022

Abstract. A great deal of academic research addresses the problems of U.S.–Russian competition in Eurasia. Much of this research examines such issues as strategic stability, the crisis of the European security architecture against the backdrop of NATO's eastward expansion, and problems of anti-terrorist wars. Yet, the scholarship barely deals with topics comparing the foreign policy disposition of states from a nonmilitary perspective. In this article, we focus on this understudied topic: the assistance projects of the two countries as a means of advancing their national interests in one of the most conflict-prone regions of the former Soviet Union, the South Caucasus. The authors explain how the two countries address them differently, in spite of sharing many of the same threats due to instability in one of the key regions of Eurasia. Thus, this article will significantly broaden the issues of regional security and U.S.–Russian competition defining the place and role in the nonmilitary, politico-economic strategies of Moscow and Washington in the South Caucasus. The article is divided into four parts. First, the authors will provide a conceptual framework for the analysis, revealing the trend of the "geopolitization" of the Caucasus region and showing what is meant by non-military political interaction. Next, the authors will offer an overview of the American and Russian approaches to building political and economic projects in the Caucasus and identify their characteristics. Finally, the authors conclude with a comparative analysis of non-military approaches to regional security in the Caucasus in Russia and the United States.

Keywords: confrontation, conflicts, peacemaking, aid, security, Caucasus, Russia, USA.

References

Allison, R. (2008). Russia resurgent? Moscow's campaign to 'coerce Georgia to peace.' *International Affairs,* 84(6), 1145-1171. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00762.x

Allison, R. (2017). Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik. *International Affairs,* 93(3), 519-543. https://doi.org/10.1093/ia/iix061

Allison, R. (2020). Russian revisionism, legal discourse and the 'rules-based' international order. *Europe-Asia Studies,* 72(6), 976-995. https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1773406

Antonenko, O. (2005). Frozen uncertainty: Russia and the conflict over Abkhazia. In R. Legvold, B. Coppieters (Ed.). *Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution* (pp. 205-270). Cambridge, MA: MIT Press.

Ambrosio, T. (2011). Unfreezing the Nagorno-Karabakh conflict? Evaluating peacemaking efforts under the Obama administration. *Ethnopolitics,* 10(1), 93-114. https://doi.org/10.1080/17449057.2011.549731

Brezhneva, A. Ukhova, D. (2013). Russia as a humanitarian aid donor. *Oxfam International (Oxfam Discussion Paper)*. https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/dp-russia-humanitarian-donor-150713-en_0.pdf

Buzogány, A. (2019). Europe, Russia, or both? Popular perspectives on overlapping regionalism in the Southern Caucasus. *East European Politics,* 35(1), 93-109. https://doi.org/10.1080/21599165.2019.1588117

Chandler, D. (2010). R2P or not R2P? More statebuilding, less responsibility. *Global Responsibility to Protect,* 2(1), 161-166. https://doi.org/10.1163/187598410X12602515137617

Dreyfus, E. (2022). Winning hearts and minds. From Syria to Nagorno-Karabakh, the development of populationcentric approaches in Russia's military interventions. *IRSEM (Institut de Recherché Strategique de L'Ecole Militare). Research Paper,* 120. Paris: IRSEM.

Drury, A.C., Olson, R.S., Van Belle, D.A. 2005. The politics of humanitarian aid: US foreign disaster assistance, 1964-1995. *The Journal of Politics*, 67(2), 454-473. https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2005.00324.x

Egger, C., Schopper, D. (2022). Organizations Involved in humanitarian action: introducing a new dataset. *International Studies Quarterly*, 66(2), sqac009. https://doi.org/10.1093/isq/sqac009

Finnemore, M. (1996). Constructing norms of humanitarian intervention. In P. Katzenstein (Ed.), *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* (pp. 153-185). New York: Columbia University Press. http://users.metu.edu.tr/utuba/Finnemore.pdf

Flake, L.G., & Snyder, S. (Ed.). (2003). Paved with good intentions: the NGO experience in North Korea. Westport, CT; London: Greenwood Publishing Group; Praeger.

Flynn, M.E. (2020). Before the dominos fall: regional conflict, donor interests, and US foreign aid. *Conflict Management and Peace Science*, 37(1), 39-57. https://doi.org/10.1177%2F0738894217711355

Frear, M., Mazepus, H. (2021). Security, civilisation and modernisation: continuity and change in the Russian foreign policy discourse. *Europe-Asia Studies,* 73(7), 1215-1235. https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1843601

Gresh, G. (2006). Coddling the Caucasus: Iran's strategic relationship with Azerbaijan and Armenia. *Caucasian Review of International Affairs,* 1(1), 1-13. http://cria-online.org/Journal/1/CRIA_Winter%2006_Whole%20Issue.pdf

Hehir, A., & Murray, R. (Ed.) (2013). Libya, the responsibility to protect and the future of humanitarian intervention. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137273956

Heinrich, T. (2013). When is foreign aid selfish, when is it selfless? *The Journal of Politics*, 75(2), 422-435. https://doi.org/10.1017/s002238161300011x

Hunter, S.T. (Ed.). (2017). The new geopolitics of the South Caucasus. Prospects for regional cooperation and conflict resolution. Lanham: Lexington Books.

Iskandarov, K., & Gawliczek P. (2020). The 'new great game' in the South Caucasus: competition for power and influence. *Journal of Scientific Papers "Social Development and Security",* 10(1), 25-33. https://doi.org/10.33445/sds.2020.10.1.4

Jafalian, A. (Ed.). (2016). Reassessing security in the South Caucasus. Regional conflicts and transformation. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315603872

Kevlihan, R., DeRouen Jr., K., & Biglaiser, G. (2014). Is US humanitarian aid based primarily on need or self-interest? *International Studies Quarterly*, 58(4), 839-854. https://doi.org/10.1111/isqu.12121

Kim, T. (2012). Strategizing aid: US–China food aid relations to North Korea in the 1990s. *International Relations of the Asia-Pacific*, 12(1), 41-70. https://doi.org/10.1093/irap/lcr010

Kim, T., Mok, J.-K., Woo, C., Kim, B.K. (2020). From humanitarian relief to democracy aid: US foreign assistance towards North Korea, 1996-2016. *Pacific Focus*, 35(3), 585-612. https://doi.org/10.1111/pafo.12173

Leezenberg, M. (2000). Humanitarian aid in Iraqi Kurdistan. *CEMOTI, Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien*, 29, 31-49.

Lepard, B.D. (2002). Rethinking humanitarian intervention: a fresh legal approach based on fundamental ethical principles in international law and world religions. University Park: The Pennsylvania State University Press.

Markedonov, S.M., & Suchkov, M.A. (2020). Russia and the United States in the Caucasus: cooperation and competition. *Caucasus Survey,* 8(2), 179-195. https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1732101

Mead, W.R. (2014). The return of geopolitics: the revenge of the revisionist powers. *Foreign Affairs,* XXXIII(2), 81-87. https://doi.org/10.1007/s13398-014-0173-7.2

Nikitin, A. (2020). Legal norms or ad hoc fixes? International legal aspects of Russian military involvement in conflict settlements in the Caucasus. *Caucasus Survey*, 8(2), 163-178. https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1759893

Philips D. (2008). Restoring Georgia's sovereignty in Abkhazia: policy paper. Washington D.C.: The Atlantic Council of the United States.

Pipinashvili, D. (2011). Sino-Russian geopolitical interests in Central Asia and South Caucasus. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences,* 5(2), 144-148.

Rezvani, B. (2020). Russian foreign policy and geopolitics in the post-Soviet space and the Middle East: Tajikistan, Georgia, Ukraine and Syria. *Middle Eastern Studies,* 56(6), 878-899. https://doi.org/10.1080/00263206.2020.1775590

Rumer, E., Sokolsky, R., & Stronski, P. (2017). U.S. policy toward the South Caucasus: take three. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2017/05/31/u.s.-policy-toward-south-caucasus-take-three-pub-70122

Sadiyev, S.S., Nasirov, E.K., Iskandarov, K.I., & Simons, G. (2021). South Caucasus and a 'new great game': the communication of competition in securitised international relations. *Journal of Contemporary European Studies*, 29(2), 282-294. https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1826914

Sakwa, R. (2015). Dualism at home and abroad: Russian foreign policy neo-revisionism and bicontinentalism. In D. Cadier et al. (Ed.) *Russia's Foreign Policy,* (pp. 65-79). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137468888_5

Smith, H. (2005). Hungry for peace: international security, humanitarian assistance, and social change in North Korea. Washington, DC: United States Institute of Peace Press.

Souleimanov, E.A., Abrahamyan, E., & Aliyev, H. (2018). Unrecognized States as a means of coercive diplomacy? Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's foreign policy in the South Caucasus. *Southeast European and Black Sea Studies,* 18(1), 73-86. https://doi.org/10.1080/14683857.2017.1390830

Stauton, E., & Jason, R. (2020). The responsibility to protect norm cluster and the challenge of atrocity prevention: an analysis of the European Union's strategy in Myanmar. *European Journal of International Relations*, 26(3), 660-686. https://doi.org/10.1177/1354066119883001

Stronski, P. (2020). What will the next U.S. administration mean for the Caucasus and Central Asia? *Carnegie Endowment for International Peace*. https://carnegie.ru/commentary/83091

Sushentsov, A., & Neklyudov, N. (2020). The Caucasus in Russian foreign policy strategy. *Caucasus Survey,* 8(2), 127-141. https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1759888

Terry, F. (2002). Condemned to repeat? The paradox of humanitarian action. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Toal, G. (2017). Near abroad: Putin, the West and the contest over Ukraine and the Caucasus. Oxford: Oxford University Press.

Troulis, M. (2017). The Caucasus in the post-cold war era: from the Soviet republics to a crucial buffer zone. *Central Asia and The Caucasus,* 18(1), 14-24.

Velikaya, A.A. (2018). The Russian approach to public diplomacy and humanitarian cooperation. *Rising Powers Quarterly*, 3(3), 39-61.

Wood, R.M., & Sullivan, C. (2015). Doing harm by doing good? The negative externalities of humanitarian aid provision during civil conflict. *The Journal of Politics*, 77(3), 736-748. https://doi.org/10.1086/681239

Yahyapour, M.S., & GharehBeygi, M. (2016). Hegemonic challenges of Iran and Russia in the Transcaucasia region. *Journal of Politics and Law,* 9(5), 289-298. https://doi.org/10.5539/jpl.v9n5p289

Yost, D.S. (2015). The Budapest memorandum and Russia's intervention in Ukraine. *International Affairs* 91(3), 505-538. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12279

Bartenev, V.I. (2011). Securitization of international development aid: political discourse analysis. *International Organisations Research Journal*, 6(3), 37-50. (In Russ.)

Degterev, D.A. (2013). Russian Federation as a new international donor: identity's dilemmas. *International Organisations Research Journal*, 8(2), 69-85. (In Russ.)

Markedonov, S.M. (2021). Post-Soviet de facto states: trajectories of their struggle for sovereignty. *World Economy and International Relations*, 65(12), 79-89. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89

Neklyudov, N.Ya. (2020). Bound to interpret: Russia, NATO, and the military-political crises in the post-cold war order. *Journal of International Analytics*, 11(3), 35-60. (In Russ.) https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-35-60

Primakov, Ye.A. (2018). Russia's humanitarian mission. *Pathways to Peace and Security*, 1, 182-196. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-182-196

Stepanova, E. (2007). Russia's humanitarian potential and economic rehabilitation of conflict zones. *World Economy and International Relations*, 5, 65-78. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-5-65-78

Tkachenko, M.F. (2018). Russia in the system of international assistance to the development of Central Asian states. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 4, 40-47. (In Russ.)

Zaitsev, Yu.K., & Knobel, A.Yu. (2020). Russian economic development assistance in 2019. *Russian Economic Development*, 27(12), 16-21. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бартенев В.И. 2011. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 6. № 3. С. 37-50.

Дегтерев Д.А. 2013. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 8. № 2. С. 69-85.

Зайцев Ю.К., Кнобель А.Ю. 2020. Российская экономическая помощь развитию в 2019 г. *Экономическое развитие России*. Т. 27. № 12. С. 16-21.

Маркедонов С.М. 2021. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 12. С. 79-89. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89

Неклюдов Н.Я. 2020. Обреченные на интерпретацию: Россия, НАТО и военно-политические кризисы постбиполярного миропорядка. *Международная Аналитика*. Т. 11. № 3. С. 35-60. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-35-60

Примаков Е.А. 2018. Гуманитарная миссия России. *Пути к миру и безопасности*. № 1. С. 182-196. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-182-196

Степанова Е. 2007. Гуманитарный потенциал России и восстановление экономики конфликтных зон. *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 65-78. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-5-65-78

Ткаченко М.Ф. 2018. Россия в системе международной помощи развитию государств Центральной Азии. *Вестник Российской таможенной академии*. № 4. С. 40-47.